*Б.М. Кондорский**

Феодальная революция в Китае (к постановке вопроса)

АННОТАЦИЯ: Автор рассматривает феодализм как этап исторического развития. Переход от одного этапа к другому всегда происходил революционным путём, формирующим потенциал развития. В III–VIII вв. н.э. в Китае появляются варианты социальной организации (в форме различных государственных образований), имеющие отдельные признаки феодализма. Сам феодализм как система появляется только в период империи Сун: земля превращается в фактическую собственность владельцев крупных поместий, которых можно назвать феодалами. Однако феодальная революция в Китае, вследствие относительной изоляции, носила неполный характер, и в эпоху Мин развитие переходит в инерционную фазу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, феодализм, революция, процесс исторического развития, Хань, Сун, Мин.

Многогранность затрагиваемой автором темы позволяет наметить только отдельные контуры проблемы феодализма в Китае и высказать своё мнение по некоторым аспектам.

Феодализм в Китае принципиально отличался от такового не только в Европе, но и в Индии (при мусульманских династиях), и в соседней Японии. Многие российские (советские), китайские и западные специалисты находят феодализм в период Западного Чжоу [3; 17; 45; 64; 72]. Подавляющее большинство китайских историков считают, что переход к феодальному строю совершился на рубеже эпох Чунь-цю и Чжань-го (в V в. до н.э.) [9, с. 16]. То же самое относится и

* Кондорский Борис Михайлович, канд. биол. наук, НПФ «Синбиас», г. Донецк, Украина; E-mail: bmkbox@yandex.ru

© Кондорский Б.М., 2016

к древней Индии [57]. А в том, что феодализм в Китае существовал уже в III в. н.э., мало кто сомневается [32, с. 48]

Термин «феодализм», несмотря на более чем двухсотлетнюю историю применения, никогда не имел единого значения, что позволяло историкам разных школ вкладывать в него самые различные смыслы. Советские историки определяющими признаками феодального строя считали феодальную собственность на землю и наличие у крестьян самостоятельного хозяйства. Из отношений феодальной собственности вытекало право феодала на безвозмездное присвоение прибавочного продукта в форме феодальной земельной ренты (барщины, натурального или денежного оброка) [2]. В зарубежной историографии описанный выше тип поземельных отношений определяется термином «сеньориальный режим», а в категорию «феодализм» вкладывается преимущественно юридический смысл, обозначая ею комплекс правовых связей между сюзеренами и вассалами [75, с. 60].

Мы рассматриваем феодализм как этап исторического развития. Переход от одного этапа к другому всегда происходил революционным путём. Революции как особое состояние общества сопровождались качественными изменениями во всех сферах, в первую очередь в «голове». Один тип сознания сменялся другим. На смену старому типу социальной организации (и соответствующему ей архетипу) приходил принципиально новый.

Процесс формирования нового архетипа в процессе революций следует рассматривать как процесс реализации системы потенций, которые могут получить развитие, а могут и не получить, в зависимости от конкретных исторических условий. Внешние проявления нового архетипа в различных регионах могут существенно различаться.

В процессе исторического развития можно выделить следующие основные революции (точнее эпохи революций) и соответствующие им этапы: неолитические, архаические, феодальные и революции Нового времени. Именно революции формировали потенциал последующего развития социумов нового типа [36, с. 17].

Архаическая революция разделила два периода, два этапа исторического развития — раннюю и позднюю древность и соответствующие им социумы — СРД и СПД. Отсутствие в СРД личности как источника воли способствовало формированию системы, в рамках которой эту роль играли божества. Правитель выступал в роли медиатора, транслятора божественной «силы». Только наличие подобного рода воли позволяло принимать решения, осуществлять управление [4, с. 38, 39; 61, с. 160, 161].

В СПД революционные изменения в сознании, в первую очередь, были связаны с принципиальными изменениями отношений с богами. Если в СРД социально-политическое объединение, находящееся под покровительством своих богов, получало от них Силу через своего правителя, то в СПД источником Силы (воли) является уже сам народ. Народ заключает договор с богами, на основании которого получает от них Силу в «постоянное пользование». В свою очередь, народ обязуется чтить богов, регулярно проводить в их честь жертвоприношения и использовать полученную Силу во благо народа. Римский народ заключает договор с Юпитером [43, с. 183], израильский — с Йахве [76, с. 58], Спарта — с Аполлоном [65, с. 34].

После гибели постархаических цивилизаций (в первую очередь Римской империи) начинается третий виток исторического развития. Когда мы говорим о феодальной революции в Западной Европе, нужно иметь в виду, что собственно германские племена и их объединения, а также реликты романского населения исторически к этому отношения не имели.

К моменту феодальной революции (а это период IX–X веков) уже не было ни того ни другого. Регулярные «перетряски» населения в предшествующий период, отягощённые регулярными набегами норманнов, привели к появлению общин, лишённых и варварского, и латинского сознания. Появилась потребность в тех, кого мы называем феодалами. Заключив общественный договор, общины передали корпорации феодалов свою власть-собственность в понимании Л.С. Васильева [16].

Что касается Меровингов и ранних Каролингов, то здесь мы имеем не ранний феодализм, а процесс феодализации. Здесь следует обратиться к биологической эволюции, исходя из общности основных закономерностей. При формировании групп организмов уровня класса, появлению архетипа как совокупности базовых признаков, характеризующих данный тип организации, предшествовал период «зации» — маммализации, орнитизации, рептилизации и т.д. В процессе формирования архетипа млекопитающих появлялись группы, которые имели отдельные признаки этого класса (в разных комбинациях). И только одна эволюционная ветвь, имевшая все 7 базовых элементов, дала начало их современному разнообразию [70].

Феодализм как система появляется только после феодальной революции на основе сформировавшегося феодального архетипа. Согласно данной концепции, в Древней Руси был не феодализм, а шёл процесс феодализации. Феодальная революция имела место уже в рамках другой системы — Московского государства [41].

В процессе формирования национальных государств политическая власть концентрируется в руках короля, который становится абсолютным монархом. Собственность остаётся у феодалов, которые в процессе абсолютизации власти трансформируются в дворян. Происходят кардинальные изменения в сознании. Начинается очередной период «зации», предшествующий капиталистической эпохе и характеризующийся появлением многочисленных внешних его признаков.

Для понимания специфики исторического развития Китая полезным будет использование концепции ойкумены как системы, имеющей свои внутренние законы и в чём-то сходной с биосферой [34; 35]. Ойкумену в узком понимании этого термина следует рассматривать как форму существования социумов (общин, корпораций) в определённых природных условиях. В основе законов ойкумены лежит единство природных и социальных явлений. Элементом ойкумены как системы являются потоки информации (технологий) в форме миграции типа «просачивания» (в случае арийских, иранских, дорических племён), торговли и войн на основе законов, принципиально отличающихся от современных.

Основные закономерности формирования ойкумены можно рассмотреть на примере Средиземноморья. Освоение окрестностей Средиземного моря начали финикийцы. Греки быстро переняли опыт финикийцев в мореходстве, торговле, основании факторий. Рим сначала формирует Латинскую, затем Италийскую и, наконец, Средиземноморскую ойкумену в рамках Империи. Следует обратить внимание на тот факт, что Рим объединил регионы, где собственная ойкумена ещё не сформировалась или уже деградировала.

Доминирующий тип сознания можно рассматривать на уровне того, что можно назвать миром (Финикийский мир, Греческий мир, Римский мир). В X в. в различных районах Греческого мира сложился некий общий стереотип художественного мышления, объединивший всех греков в рамках единой культурной общности (независимо от места проживания) и сформировавший единую греческую народность с единым психологическим складом [1, с. 85].

В то же время элементом государства является личность, её деятельность. Политическое пространство появляется вместе с личностью. Например, в гомеровский период в Греции личности в современном понимании не было, так же как и государства [77]. Если ойкумену можно рассматривать как форму совместного существования, то политическую систему — как форму совместной деятельности. На каждом историческом этапе мы имеем определённый тип личности, которому соответствует определённый тип государства.

Какая личность, такое и государство. Государство следует рассматривать как систему контроля личностного потенциала.

В период Хань главным критерием выделения административных единиц было число людей, которых мог эффективно контролировать данный штат служащих [54, с. 16].

Ещё в период раннего неолита формируется единая Евроазиатская ойкумена, включающая Китай [34, с. 53, 54]. Мы считаем, что расписная керамика Яншао, гончарный круг периода Луншань, технология изготовления бронзовых орудий, колесницы Шан-Инь имеют источником своего происхождения Западную Азию — как центр Евроазиатской ойкумены [14; 19]. Например, конструктивно-техническое сходство колесниц в Европе, Передней Азии и Китае слишком очевидно [14, с. 276; 60, с. 140].

В конце II тыс. до н.э. наблюдаются структурные изменения в Евроазиатской ойкумене. Формируется Кочевая ойкумена на просторах Великой степи. В силу определённых причин происходит относительная изоляция Китая. Теперь он уже развивается как самостоятельная ойкумена. Подобного рода двойственность, по нашему мнению, как раз и определила «специфику» дальнейшего исторического развития Китая.

Архаическая революция в Китае была связана с приходом на смену Шан-Инь (имеющего структуру СРД) — Западного Чжоу. Договор между чжоуским народом в лице вана и богами получил форму «мандата Неба». Мандат Неба всегда был с *ваном*, и не было уже необходимости регулярно советоваться с духами предков [14, с. 36; 18, с. 25, 26]. В отличие от иньского Шан-ди, чжоуское Небо приобретает черты абстрактной безликой силы [17, с. 160].

В Китае гражданская община как носитель полного государственного суверенитета так и не появилась. Здесь не было того, что можно назвать демократической революцией, в отличие от античных полисов. *Го-жэнь* — лично свободные люди, полноправные граждане государства, обязанные военной службой, уплатой налогов и несением ряда повинностей [13, с. 179; 67, с. 208], так и не взяли власть в свои руки. Народное собрание приобретало власть только в период опасности и чрезвычайных обстоятельств [67, с. 213]. Архаическая революция носила неполный характер. Развитие социумов в период Чунь-цю остановилось на стадии, соответствующей царскому периоду в Риме. *Ваны* этого периода, так же как и римские цари, имели не монархическую, а скорее магистратскую власть.

Причиной подобного рода явления, по нашему мнению, стал высокий уровень преемственности в разных сферах между Шан-Инь и

Западным Чжоу. В Древней Греции дорические племена пришли на Пелопоннес через столетие после гибели Микенского государства (исторически аналогичного Шан-Инь). В XI в. до н.э. с традициями микенской эпохи происходит решительный разрыв [1, с. 83]. Дальнейшее развитие классической греческой цивилизации происходит как бы с «чистого листа».

Процесс формирования ойкумены после архаической революции в Китае начался с того, что чжоусцы, переняв земледельческие навыки от шанцев, широко распространили их среди завоёванных ими племён по всей территории бассейна Хуанхэ. Происходит китаизация варваров на Среднекитайской равнине, не имевших в этом регионе своей ойкумены (*жунов*, *ди*, *и*). Появляется представление о единстве происхождения в форме самоназвания *хуа-ся*. Остальные народы воспринимаются как «варвары» [46, с. 271–274; 48, с. 150, 151]. Аналогичные процессы в это время происходят в Греции [46, с. 271, 272; 48, с. 153]. В V в. в среднем течении Хуанхэ сложилась территория, населённая исключительно *хуа-ся*, которые оказывали культурное влияние на периферийные царства [46, с. 279–281].

Как уже говорилось выше, после распада Евроазиатской ойкумены появляется Кочевая ойкумена на просторах Великой степи, в рамках которой сменяли друг друга многочисленные кочевые народы. Именно ойкумена как система, независимая от сознания, формировала здесь кочевые империи, которые на равных могли соперничать с Китаем, регулярно захватывая значительные его территории.

Процесс объединения царств в этот период имел форму надобщинного пространства как интегративного единства социумов в рамках формирующейся ойкумены [38]. Подобного рода процессы имели место в классические периоды постархаических систем в Греции (Афинский морской союз), Риме (Италийская федерация), Индии (империя Маурьев). К концу периода Чжань-го все царства были объединены в рамках единой политической системы Цинь Ши-хуан-ди.

Но несмотря на то, что царства-соперники были уничтожены, а их территории вошли в состав «империи», общины в известной степени сохранили своё внутреннее самоуправление в лице старейшин *фу-лао*, которые не были царскими чиновниками [62, с. 74] . Попытки разрушить общины в конечном итоге закончились неудачей [27, с. 162, 163; 50, с. 82]. Созданная Цинь Ши-хуан-ди надобщинная «конструкция» оказалась неустойчивой и рухнула после его смерти. В последующий период гражданских войн именно органы общинного самоуправления показали себя единственной реальной властью [24, с. 515].

Если империя Цинь оказалась недолговечной, то империя Хань просуществовала четыре столетия. Дело в том, что произошли качественные изменения, которые привели к появлению нового типа надобщинного пространства — «имперского» [38, с. 55], имеющего развитую инфраструктуру на всей территории Китая. Важнейшим элементом ойкумены нового типа была система дорог с почтовыми станциями. [54, с. 18]. Точно такую же картину мы наблюдаем в это время в пределах Римской империи. Появившееся государство наиболее соответствовало данному типу хозяйствования (ойкумены), сложившемуся на равнинах Хуанхэ и низменностях Юга [54, с. 101].

В основе нового государства лежал общественный договор, который Лю Бан и его команда заключили с общинами. Лю Бан, разослав по всему царству своих гонцов, собрал в Сяньяне циньских *фулао* и заключил с ними договор [27, с. 163]. Римские императоры воспринимались как олицетворение римской общины (её власти), то же самое можно отнести к новоиспечённому китайскому императору. Имперская администрация в период Хань действовала в надобщинной сфере [63, с. 153], имея дело с *ли-чжэн* — главами совета старейшин, представлявшими интересы общины в сношениях с внешним миром [27, с. 155; 62, с. 65]. При этом ханьских императоров нельзя назвать верховными собственниками земли [63, с. 155].

Главной опорой государства были вновь освоенные земли, где государство создавало крупные ирригационные системы. Именно эти земли на востоке и юге империи были опорой деспотической государственности [54, с. 32]. Освоение обширных земель имело место и в пограничных районах [49, с. 74].

В развитии обеих империй постепенно происходят процессы деградации и на уровне общины [29, с. 81; 54, с. 30], и на уровне элиты. Основная функция так называемой управляющей элиты — поддержание социально-политического порядка и всего того, что с ним связано. В Римской империи земледельцы уже не могут самостоятельно вести хозяйство и превращаются в зависимых колонов. Аналогичные процессы в это время происходят в Китае, где целые общины переходят под покровительство «сильных домов» [22, с. 46–49; 25, с. 142–144; 54, с. 23].

Формирование сильных домов происходило на базе кланов [54, с. 23] в основном за счёт общинной верхушки [27, с. 269–271]. Отношения с зависимыми крестьянами строились на базе принципа «патрон–клиент». Сильные дома воспринимались как объединения родственников и гостей [27, с. 272], как своеобразная семья. Т.е. доминирующие здесь социальные связи не имели ничего общего с

феодальными, хотя некоторые историки считают, что при Западной Хань уже существовал феодализм [21, с. 93].

Политика руководства империи, направленная на ослабление крупной земельной знати путём физической расправы и переселения [49, с. 78], не давала нужных результатов. К III в. н.э. у сильных домов появляется своё войско, и они берут на себя организующую роль в обществе [47, с. 39].

Гибель империи Хань положила начало периоду феодализации. Многочисленные исторические (эволюционные) ветви, связанные с появлением различного рода государственных образований и династий, имели отдельные признаки, характерные для феодализма. В Европе различия в феодальных «ветвях» носили в основном территориальный характер. Французский тип феодализма заметно отличался от немецкого, а тот — от восточноевропейского. В Китае различия наблюдались во времени, вплоть до периода Тан.

Но сам феодализм как система (в «китайском исполнении») появляется только в империи Сун. В отличие от Западной Европы, где феодализм формировался с «чистого листа», в Китае сохранилась заметная преемственность с предыдущим периодом. В этом отношении Китай очень похож на Византийскую империю, которая постоянно декларировала свою преемственность с Римской империей [33, с. 56], но большую часть своего исторического развития находилась в состоянии перманентного кризиса.

Преемственность с Ханьской империей находила своё выражение, в частности, в том, что слово «ханец» стало обозначением китайца. Империя Цзинь, на полстолетия объединившая весь Китай во второй половине III в., воспринималась как законная наследница Хань [42, с. 117, 118].

В Китае «двойственность» ойкумены была основной причиной нестабильности, что предполагало острую потребность в ручном её управлении. Отсюда исключительная роль централизованной системы управления со стороны государства. Важнейшей функцией государства в этот период было обеспечение многочисленных беженцев (из-за постоянных войн) средствами существования (в первую очередь землёй [69, с. 53].

В связи с этим следует особо остановиться на так называемой системе «равных полей», введённой в Северной Вэй в 485 г. как модификация надельной системы Западной Цзинь, и весь период феодализации служившей «экономическим» базисом основных государств того времени. Такая же система была в VII в. введена в Японии и Корее [42, с. 114].

Применительно к собственно аграрному сектору система «равных полей» состояла в закреплении за каждым работником права на получение участков определённой площади и установлении фиксированных налогов. Для этого официально или молчаливо устанавливался принцип государственной собственности на землю. Наделы выдавались только трудоспособному населению, прикрепляя при этом крестьян к земле [28, с. 61–63; 42, с. 114–157; 56, с. 15–17; 59, с. 177–181]. Община окончательно была подчинена государственному аппарату [23; 59, с. 182].

Здесь необходимо выяснить, что такое надельная система сама по себе, каково её конкретное содержание и как она должна быть определена с точки зрения социально-экономической сущности, каково её место в истории, под влиянием каких факторов она выросла и чем сменилась [42, с. 114, 115].

Как уже говорило выше, в период Хань сельская община (также как и городская) была основным структурным элементом государства и носителем суверенитета. Отношения с государственной властью носили договорной характер. Несмотря на то, что в это время община реально представляла собой коллектив собственников, она воспринималась как органическое целое. Последующие многочисленные гражданские войны, начавшиеся в III в. н.э. и способствовавшие процессам массовой миграции населения, привели к полному разрушению общины данного типа.

В земельных законах III–VII вв. нет прямых признаков существования в китайской деревне общинной организации. Администрация не признавала её, стремилась вытеснить своим бюрократическим аппаратом. Хотя косвенные данные говорят о том, что реально в этот период существовали территориальные объединения (*сян*) и родственные (*цзун*) [59, с. 179].

В условиях регулярной политической нестабильности и гражданских войн, постоянной смены династий, набегов кочевых племён невозможно было сформировать более или менее устойчивую ойкумену. На это уходят столетия. Единственным способом как-то объединить разрозненное население, лишённое средств существования, создать некое единство, которое можно назвать народом, было только введение надельной системы. Во «Введении» в северовэйский эдикт 485 г. говорится о «наделении» землёй всего «народа» (*минь*). *Минь* имеет значение «народ» в самом общем смысле этого слова. Оно употреблялось в источниках в тех случаях, когда император, обращаясь к своим подданным, объединял их понятием *минь* независимо от социальных различий. Однако в данном случае речь идёт о «народе»

за исключением управляющих чиновников, т.е. о непосредственных производителях [71, с. 12].

Когда мы говорим об управлении, следует иметь в виду, что личность не может быть объектом управления. В эпоху Хань общины, имевшие элементы гражданственности, нужно рассматривать как коллективные личности. При этом имперская администрация не вмешивалась во внутренние дела общины. Если взять предприятие, то здесь мы имеем управление процессом производства и руководство коллективом. Аналогично в период феодализации мы имеем императора, управляющего процессом производства и руководящего аппаратом чиновников. Правитель выступает не столько в качестве верховного владельца государственной земельной собственности [32, с. 57], сколько в качестве редистрибутора земли. Кстати, у кочевников процессы управления в основном сводились к распределению пастбищных земель, контролю перекочёвок [44, с. 151; 73, с. 36].

Если при надельной системе был один уровень редистрибуции, то в период Хань было два —уровни общины и государства. После отмены надельной системы в 780 г. субъектами редистрибуции, помимо государства, становятся феодальные поместья.

Основой суверенитета политических образований того времени была не столько так называемая государственная собственность на землю, сколько организация её эксплуатации (возделывания). Хозяйство — неотъемлемая часть личности. Как уже говорилось выше, в основе государства лежит контроль личности, в данном случае — контроль хозяйственной деятельности. В наше время человек как личность отвечает перед самим собой. В период Чжань-го, Хань земледелец как личность отвечал перед своей общиной. В период феодализации — перед государством. Начиная с эпохи Сун — перед феодалом.

Рост частнособственнических сил, на время обузданных надельной системой, в VIII в. взорвал единство империи Тан [59, с. 182, 183]. Земли превратились (особенно после мятежа Ань Лу-шаня) в фактическую собственность крупных землевладельцев [28, с. 306]. Государство вынуждено было прекратить ежегодные переделы полей, снять ограничения с размеров землевладения. Реформа 780 г. Ян Яня означала признание краха надельной системы и победу крупного частного землевладения [59, с. 185]. Согласно ей, земельный собственник облагался налогом в соответствии с размером его владения. Реформа узаконила свободную куплю-продажу и ускорила процесс перераспределения земельной собственности, которая в конечном итоге привела к обезземеливанию больших масс крестьян [28, с. 307].

При династии Сун наконец появляются землевладельцы, которых мы можем назвать феодалами и права собственности которых не обусловлены службой и чином [51, с. 122]. Расширение частных собственников идёт в основном за счёт освоения целины [30, с. 139; 31, с. 125; 52, с. 76; 69, с. 103]. Освоенная земля всегда считалась бесспорной собственностью [26, с. 340; 47, с. 43]. Будущие феодалы выступают здесь как организаторы этого процесса в качестве частных лиц. Массовая внутренняя колонизация, в результате «великих расчисток XI–XII вв., стала основой экономического базиса развития феодализма в Западной Европе» [5, с. 45, 46; 20. с. 22, 23].

Основой сельской экономики становятся поместья — *чжуан-тянь* [30, с. 139; 69, с. 95]. Их владельцы могли свободно распоряжаться своей собственностью, передавая по наследству, закладывая, продавая [52, с. 76]. В эпоху Сун складывается такая система эксплуатации, когда землевладельцы сдавали землю в аренду крестьянам. Крупные феодалы владели тысячами гектаров земли. Поместные земли обрабатывались арендаторами, не имевшими права самовольного ухода от хозяев. В начале XI в. арендаторами была треть населения Китая, к середине XII в. — почти две трети [59, с. 213]. Отношения помещика и крестьянина-арендатора выходят на первый план и становятся ведущими до середины XX в. [51, с. 122, 123]. В этот период землевладельцами становятся чиновники, купцы, горожане, военные, ростовщики, крестьяне [52, с. 77].

С началом новой династии перед властью стояли одни и те же проблемы в плане восстановления ойкумены после периода смуты. То же самое относится и к династии Мин, представителям которой необходимо было срочно восстанавливать инфраструктуру, решать проблему бродячего люда, организовывать освоение пустующих земель [11, с. 164; 68, с. 41]. В связи с тем, что новая династия нуждалась в поддержке населения, принимались меры по снижению налогов, раздаче земли, борьбе со злоупотреблениями [68, с. 26].

Первым императором новой династии Чжу Юань-чжаном была сделана попытка усилить личную власть [10, с. 37] путём проведения реформ, аналогичных тем, которые пытался осуществить Иван Грозный. Репрессиями была устранена старая элита в лице чиновников, конфуцианских учёных, землевладельцев, военачальников — речь идёт о десятках тысяч людей [10, с. 37; 11, с. 163]. На их место приходили люди из формально непривилегированных слоёв («служилые люди»), которые своим положением были обязаны новой династии. Были даже свои «опричники». Для вылавливания «ненадёжных» был создан специальный военизированный отряд — «парчовая охрана», занимавшаяся сыском и пытками [10. с. 38].

Однако новому императору не удалось добиться желательной дееспособности нового чиновничьего аппарата. Бюрократизм, взяточничество, вымогательство быстро стали характерными атрибутами его функционирования [12, с. 120]. К тому же новый император больше «смотрел назад», чем вперёд. Созданная им система уделов утверждала патриархальные принципы и в известной мере переносила семейную этику на общегосударственный уровень [8, с. 35]. Несовершенный и противоречивый характер структуры ойкумены периода Мин в конечном итоге привёл к её деградации и гибели.

Феодальная революция в Китае носила неполный характер, и в результате сформировался лишь слабый потенциал развития — в отличие от Западной Европы. Основную роль сыграл фактор относительной изоляции Китая и двойственный характер положения ойкумены. Изоляция на уровне ойкумены всегда препятствовала технологическому и социальному прогрессу. В Новом Свете вследствие изоляции не было ни архаической, ни феодальной революций. То же самое относится к социумам Тропической Африки [37]. Несмотря на то, что в Китае самостоятельно появились порох, бумага, компас, это не привело к появлению огнестрельного оружия и внешней колонизации. Все эти изобретения не имели таких фундаментальных социально-политических последствий как в Европе.

Грандиозные морские экспедиции в начале эпохи Мин не получили дальнейшего развития [6]. Они в меньшей степени преследовали торговые или политические цели, а в большей носили престижный характер — «показать свой флаг» [74, с. 308]. Огромные китайские корабли, намного превосходящие по размерам европейские, напоминают динозавров по сравнению с небольшими млекопитающими того времени. Только первые вымерли, а вторые в кайнозойскую эру сформировали новую «биологическую цивилизацию».

После революций социумы, имеющие заметный потенциал развития, проходят три основных периода. Для Рима и Афин были характерны начальная (архаическая), классическая и инерционная стадии развития. В Афинах все основные реформы пришлись именно на классический период. В Китае после феодальной революции первые две стадии носили, в значительной степени, редуцированный характер. Реформы в начале эпохи Мин закончились провалом, и Китай перешёл в инерционную стадию развития.

В Западной Европе в абсолютистский период мы имеем полное отделение короля (как носителя политической власти) от народа. В Китае этого не было. В условиях Китая система управления складывались по древним образцам, государственный аппарат рассматривался

как продолжение личности монарха [53, с. 54, 55]. Подобного рода представления имели место в древней Индии, где царство воспринималось как «плоть» царя [66, с. 28]. Император и народ в сознании того времени находились в определённом органическом единстве. Император воспринимался как организующий центр, как устроитель мира. Его власть не ограничивалась миром людей, а распространялась на всю природу в целом [54, с. 11; 55, с. 75]. Управление приравнивалось к священнодействию, утверждавшему вселенский порядок [27, с. 259]. Условная политическая самостоятельность императора носила не отделённый, а отчуждённый характер. Тщетными были попытки превратить бюрократический аппарат в орудие исполнения воли императора [7, с. 169].

В конечном итоге инерционность развития, отсутствие каких-либо реформ привели к тому, что за 400 лет мало что изменилось в Китае. В этот период в городе и деревне формируется корпоративная система (ойкумена), внешне похожая на западноевропейскую [40, с. 109]. Но в Европе член корпорации уже осознавал себя личностью, имеющей права. В Китае корпорации обычно обеспечивали своих членов средствами существования и были полностью зависимы от властей. Цеховая организация не служила средством защиты интересов от произвола чиновников, а использовалась государством для фискального и полицейского контроля [7, с. 2; 58, с. 55].

И только начавшаяся с приходом XX в. эпоха революций и гражданских войн (в революционный период) разрушила корпоративную систему и старое государство и создала условия для появления современного Китая [39].

Литература

1. *Андреев Ю.В.* Раннегреческий полис (гомеровский период). СПб.: Гуманитарная Академия, 2003.

2. *Барг М.А., Никифоров В.Н.* Феодализм // БСЭ. М.: Советская энциклопедия, 1977. С. 283–288.

3. *Баум Р.* Ритуал и рациональность: корни бюрократического государства в Древнем Китае // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград: Учитель, 2006.

4. *Берлев О.Д.* Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М.: Наука, 1972.

5. *Блок М.* Характерные черты французской аграрной истории. М.: Изд. иностранной литературы, 1957.

6. *Бокщанин А.А.* Китай и страны южных морей в XIV–XVI вв. М.: Наука, 1968.

7. *Бокщанин А.А.* Императорский Китай в начале XV века. М.: Наука, 1976.

8. *Бокщанин А.А.* Удельная система в позднесредневековом Китае (период династии Мин. 1368–1644). М.: Наука, 1986.

9. *Бокщанин А.А.* Современные историки КНР о проблемах феодализма в Китае. М.: ИВ РАН, 1998.

10. *Бокщанин А.А., Непомнин О.Е.* Лики Срединного царства: Занимательные и познавательные сюжеты средневековой истории Китая. М.: Восточная литература, 2002.

11. *Боровкова Л.А.* О некоторых моментах аграрной политики Чжу Юаньчжана // Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае. М.: Наука, 1974. С. 152–172.

12. *Боровкова Л.А.* Материалы о политике Мин в конце XIV в. по вопросу о социальной организации деревни // Социальная и социально-экономическая история Китая. М.: Наука, 1979. С. 116–133.

13. *Васильев К.В.* Истоки китайской цивилизации. М.: Восточная литература, 1998.

14. *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайской цивилизации. М.: Наука, 1976.

15. *Васильев Л.С.* Некоторые особенности мышления, поведения и психологии в традиционном Китае // Китай: традиции и современность. М.: Наука, 1976. С. 52–82.

16. *Васильев Л.С.* Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М.: Наука, 1982. С. 60–99.

17. *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайского государства. М.: Наука, 1983.

18. *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайской мысли. М.: Наука, 1989.

19. *Васильев Л.С.* Древний Китай. Т.1. М.: Восточная литература, 1995.

20. *Глебов А.Г.* Высокое средневековье: Западная Европа в XI–XIII вв. Воронеж: Истоки, 2014.

21. *Го Мо-жо* Эпоха рабовладельческого строя. М.: Изд. иностранной литературы, 1956.

22. *Думан Л.И.* К вопросу о формах землевладения в Китае в III в. // Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае. М.: Наука, 1974. С. 43–70.

23. *Думан Л.И.* Аграрная политика в период Западная Цзинь (создание системы *чжань-тянь* — ранней ступени надельного землевладения) // Социальная и социально-экономическая история Китая. М.: Наука, 1979. С. 90–104.

24. История древнего мира. Кн. 2. М.: Наука, 1982.

25. История древнего мира. Кн. 3. М.: Наука, 1982.

26. История Китая. Минск: Харвест, 2004.

27. История Китая с древнейших времён до начала XXI века: в 10 т. Т. II. Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. — III в. н.э.). М.: Наука — Восточная литература, 2013.

28. История Китая с древнейших времён до начала XXI века: в 10 т. Т. III. Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907). М.: Наука — Восточная литература, 2014.

29. История крестьянства в Европе. Т. 1. М.: Наука, 1985.

30. История стран Азии и Африки в средние века. М.: Изд. МГУ, 1968.
31. История стран Зарубежного Востока в средние века. М.: Изд. МГУ, 1957.
32. История стран зарубежной Азии в средние века. М.: Наука, 1970.
33. *Каждан А.П.* О социальной природе византийского самодержавия // Народы Азии и Африки. 1966, № 3. С. 53–64.
34. *Кондорский Б.М.* Концепция «ойкумены» и законы биологического пространства // Природа: общее и особенное. Серия «Социоестественная история». Вып. XXV. М.: Энергия, 2011. С. 53–57.
35. *Кондорский Б.М.* Крым как периферия цивилизационной ойкумены // Человек и природа в пространстве и времени. Серия «Социоестественная история». Вып. XXVI. М.: Энергия, 2012. С. 115–122.
36. *Кондорский Б.М.* Архаическая революция в древнем Китае (попытка сравнительно-исторического анализа) // Общество и государство в Китае. Т. XLIII, ч. 2. М.: ИВ РАН, 2013. С. 16–28.
37. *Кондорский Б.М.* Специфика исторического развития социумов Тропической Африки // Общество и политика в Африке: неизменное, меняющееся, новое. XIII международная конференция африканистов. М., 2014. С. 651–652.
38. *Кондорский Б.М.* «Целина обязательно будет поднята». Элементы теории надобщинного пространства // Традиционное общество: неизменное, прошлое. X Международная научно-практическая конференция. Челябинск: 2014. С. 51–56.
39. *Кондорский Б.М.* Революционный период в Китае // Общество и государство в Китае. Т. XLV, ч. 1. М.: ИВ РАН, 2015. С. 134–150.
40. *Кондорский Б.М.* Россия — Китай: история и культура: Сборник статей и докладов VIII научно-практической конференции. Казань, 2015. С. 104–111.
41. *Кондорский Б.М.* Характер формирования и развития княжеской власти в древней Руси // Творческое наследие А.А. Зимина в современной российской историографии (VI Зиминские чтения). М.: РГГУ (в печати).
42. *Конрад Н.И.* Избранные труды. История. М.: Наука, 1974.
43. *Кофанов Л.Л.* Lex и jus: возникновение и развитие римского права в VII–III вв. до н.э. М.: Статут, 2006.
44. *Крадин Н.Е.* Кочевые общества. Владивосток: Дальнаука, 1992.
45. *Крил Х.Г.* Становление государственной власти в Китае. Империя Западное Чжоу. СПб.: Евразия, 2001.
46. *Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.: Наука, 1978.
47. *Крюков М.В., Малявин В.В. Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979.
48. *Крюков М.В.* Этнические и политические общности: диалектика взаимодействия // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, 1982. С. 55–82.
49. *Кудрин В.И.* Экономическая политика в период Западная Хань (государственное регулирование торговли, финансов и ремесленного производства) // Социальная и социально-экономическая история Китая. М.: Наука, 1979. С. 66–89.

50. *Кульпин Э.С.* Человек и природа в Китае. М.: Наука, 1990.
51. *Кычанов Е.И.* Право и личность в старом Китае // Личность в традиционном Китае. М.: Восточная литература, 1992. С. 117–140.
52. *Лапина З.Г.* Политическая борьба в средневековом Китае (40–70-е годы XI в.). М.: Наука, 1970.
53. *Лапина З.Г.* Доктрина государства в контексте востоковедения как система средств гармонизации социума (на примере традиционного Китая) // Общество и государство в Китае. Т. XIV. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2014. С. 51–56.
54. *Малявин В.В.* Гибель древней империи. М.: Наука, 1983.
55. *Мартынов А.С.* Представления о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции // Народы Азии и Африки. 1972, № 5. С. 72–82.
56. Материалы по экономической истории Китая в раннем средневековье. М.: Наука, 1989.
57. *Медведев Е.М.* Основные этапы развития феодальных отношений в Индии в древности и средневековье // Узловые проблемы истории Индии. М.: Наука, 1981. С. 96–117.
58. *Непомнин О.Е.* Экономическая история Китая (1864–1894 гг.). М.: Наука, 1974.
59. *Никифоров В.Н.* Очерк истории Китая: II тысячелетие до н.э. — начало XX столетия. М.: ИДВ РАН, 2002.
60. *Новгородова Э.А.* Древняя Монголия. М.: Наука, 1989.
61. *Оппенхейм А.* Древняя Месопотамия. М.: Наука, 1986.
62. *Переломов Л.С.* Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае (221–202 гг. до н.э.). М.: Наука, 1962.
63. *Переломов Л.С.* Эволюция общины и рост частной земельной собственности в Китае в IV в. до н.э. — III в. н.э. // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке. М.: Наука, 1966. С. 150–159.
64. *Переломов Л.С.* Проблема периодизации древней и средневековой истории Китая в китайской историографии (о генезисе феодальных отношений) // Историческая наука в КНР. М.: Наука, 1971. С. 64–81.
65. *Печатнова Л.Г.* История Спарты периода архаики и классики. СПб.: Гуманитарная Академия, 2007.
66. *Романов В.Н.* Древнеиндийские представления о царе и царстве // Вестник древней истории. 1978, № 4. С. 26–33.
67. *Рубин В.А.* Личность и власть в древнем Китае. М.: Восточная литература, 1999.
68. *Свистунова Н.П.* Аграрная политика Минского правительства во второй половине XIV в. М.: Наука, 1966.
69. *Смолин Г.Я.* Антифеодальные восстания в Китае второй половины X — первой четверти XII в. М.: Наука, 1974.
70. *Татаринов Л.П.* Палеонтология и закономерности филогенеза низших наземных тетрапод // Палеонтологический журнал. 1972, № 3. С. 121–133.
71. *Тюрин А.Ю.* Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае III–VIII вв. М.: Наука, 1980.

72. *Фань Вэнь-лань* Древняя история Китая. От первобытного строя до образования централизованного государства. М.: Изд. АН СССР, 1959.
73. *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд. МГУ, 1973.
74. *Фицджеральд Ч.П.* История Китая. М.: Центрполиграф, 2005.
75. *Чудинов А.В.* Французская революция: история и мифы. М.: Наука, 2007.
76. *Шифман И.Ш.* Государство в системе социальных институтов в древней Палестине (вторая половина III — первая половина I тыс. до н.э.) // Государство и социальные структуры на древнем Востоке. М.: Наука, 1989. С. 53–85.
77. *Ярхо В.Н.* Проблема ответственности и внутренний мир гомеровского человека // Вестник древней истории. 1963, № 2. С. 46–64.

B.M. Kondorskiy*

The feudal revolution in China (formulation of the question)

ABSTRACT: The author considers feudalism as a stage of historical development. The transition from one stage to another always occurs in a revolutionary way, forming a new potential. In the III–VIII centuries AD there were numerous forms of social organization in China (in the form of various state entities) that had some features characteristic of feudalism. Feudalism as a system appeared during the Song Empire. The land passed to actual ownership of the owners of large estates which can be called feudal lords. However, the feudal revolution in China, due to the relative isolation, was incomplete. Since the Ming era the development of China goes by inertia.

KEYWORDS: China, feudal revolution, process of historical development, Han dynasty, Song dynasty, Ming dynasty.

* Kondorskiy Boris Mikhailovich, PhD in Biology, SPF “Sinbias”, Donetsk, Ukraine; E-mail: bmkbox@yandex.ru